ТРЁХРУБЛЁВЫЙ ПЛАН В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ КРЕМЛЕ

«Черновик»: о новом кинофильме по роману Сергея ЛУКЬЯНЕНКО

— Разве бывают письма с той стороны?
— А что такого? Говорят, и люди иногда приезжают…
Владислав КРАПИВИН. "Голубятня на жёлтой поляне".

Я СМОТРЕЛА ЭТОТ ФИЛЬМ в полном зале, а был отнюдь не выходной день. Более того — юношеский хруст попкорном, начавшийся с первых кадров, прекратился довольно быстро. Так бывает, когда фабула, эффекты и спецэффекты выверены и — даже выстраданы. Кинокартина Сергея Мокрицкого "Черновик" по одноимённому роману Сергея Лукьяненко — несомненный триумф, хотя, как обычно, есть вопросы. И раздражающие моменты. Но — обо всём по порядку. "Черновик" — пожалуй, самый привлекательный и яркий сюжет Лукьяненко (да простят меня фанаты раскрученных "Дозоров"). Параллельные миры, не все из которых — дружественные и тёплые. Мистическая башня как точка сборки. Тайный мир функционалов — сверхлюдей, наделённых феноменальными дарами-навыками — в обмен на "сущую малость": они изымаются, стираются из своей повседневности. Жил человек — и нету. Родители, и те забывают, что ты — их чадо. Страшно, весело, затейливо. Это — и боевик, и фантастика, и фэнтези, как обычно у Сергея Лукьяненко.

Что сразу же резануло и не обрадовало? В книгах Лукьяненко всегда увлекательная "география" — достаточно вспомнить Ватутинки в первом "Дозоре"; однако же авторы сценария перенесли Башню к стенам Кремля.

На деле всё выглядело гораздо вкуснее: "За последние полтораста рублей я доехал до Алексеевской. Перешёл проспект Мира по переходу — даже в два часа ночи там было довольно многолюдно… Откуда взялась эта заводская окраина? В Замоскворечье таких много, где-нибудь в районе Измайловского — тоже хватает. Никогда не думал, что такие районы есть между Рижской и Алексеевской, стоит лишь чуть отойти от проспекта Мира".

Всё же сценаристов легко понять — им хотелось явить Москву-историческую, узнаваемую или, как говорит персонаж Котя, "трёхрублёвый план" — картинку с полузабытой советской трёшки. Миры, изобретённые писателем Лукьяненко, так же намного разнообразнее всего того, что явили нам в кинокартине. Сам автор отнёсся к изменениям благожелательно и, в частности, сказал: "Претензий нет, всё ровно по тому сценарию, который мне показывали, хотя уточню, что не для "согласования", а так — на уровне консультаций. Тем не менее отдельные правки в него я вносил. Но не особо существенные, всё понравилось гораздо больше, чем я ожидал. Сюжетные линии сохранены, фильм получается очень близким к книге" (см. интервью порталу "Культура" от 01.02.2018). Хозяин — барин.

Какие же параллельные "кремли" открываются нашему взору, и чем они отличаются от привычно-текстовой интерпретации? Мир под названием "Нирвана" в книге описан безо всякой идеологической привязки: "Не совсем тюрьма. Не совсем психушка. Яркий, уютный, безопасный мир, где по какому-то капризу природы человек пребывает в лёгкой эйфории". Причина — в психоделических веществах, распространяемых местной флорой. Благодушная тупизна, близкая к хиппизму, которая, с точки зрения главгероя, — "унылая серость, особенно поразительная на фоне яркой, цветущей природы", — не вызывает никаких ассоциаций. В сценарной версии Нирвана превращена в злобную пародию на Советский Союз, где людизэки живут в кошмарных условиях, но при этом испытывают беспрестанную радость — то самое "чувство глубокого удовлетворения", о коем столь часто говорилось в брежневские времена. Цивилизация киношной Нирваны лучше всего описывается фразой Михаила Булгакова насчёт разрухи в головах и клозетах. Замусоренный, полуразрушенный город, увешанный тем не менее большевистскими транспарантами. Но более всего "досталось" Василисе, она-то у Лукьяненко — сугубо положительная фемина. Тут она воплощена в этакую Софью Власьевну (так диссиденты иронически называли советскую власть) — крепкую, горластую и жестокую бабищу, которая с садистским удовольствием клеймит новоприбывших узников. В этих сценах — что-то от перестроечных фантасмагорий: "Бакенбарды" (1990), "Зеркало для героя" (1987) и "Город Зеро" (1988) — когда задачей художника было не докопаться до истины, а развенчать бесславное прошлое или явить "морок тоталитарного разума". У меня складывалось впечатление, что я провалилась во времени и на дворе какой-нибудь 1989 год — с полыхающим "Огоньком", обществом "Память" и митингами по любому поводу. Авторы "Черновика" так увлеклись запоздалым и давно протухшим антисоветизмом, что создали неудачную "вклейку". Мало кого нынче заинтригуют аллюзии в духе "Убить дракона" (1988).

Мир, именуемый "Кимгим" (опять-таки — в романе он вовсе не связан с политической историей) здесь представляет собой "Россию, которую мы потеряли", да ещё в стим-панковских декорациях. По книге это цивилизация, где не существует нефти, а потому её техническое развитие остановилось на уровне наших "земных" 1880-х. Сценаристы нам подают развёрнутую картину дореволюционной, точнее, безреволюционной (sic!) благости, а куратор сообщает главгерою, что в этой вселенной до сих пор — империя. Пролётки на паровой тяге и чудо-аэропланы. Дамы и господа. Кафешантаны и рестораци. Вся эта лепота будто взята с многоизвестных ретрофутуристических открыток, выпущенных фирмой "Эйнемъ" в 1909 году; на них рисована Москва будущего — на уровне фантазий эпохи ар-нуво. Безусловно — милые, улыбчивые люди, старинные фасоны мебели, шляп, стаканов, очаровательные виды и всё тот же "трёхрублёвый план", но празднично-белого цвета. Создатели фильма транслируют свои вкусы и убеждения, распределяя ад и рай таким вот нехитрым способом.

Наиболее красочен и резок Аркан — мир, для которого наша Земля — "черновичок". Забавно, что книжный Аркан — это социалистическое общество и смахивает на чуть приглаженный СССР 1950-х годов, тогда как в фильме это — евразийский парадиз в манере картин Алексея Беляева-Гинтовта, где высочайшее развитие инфраструктуры соседствует с архаическими культовыми формами, взятыми напрямую с Востока. Фактор шока — везде китайцы. Москва застроена гигантскими пагодами, но полным-полно небоскрёбов, а с высоты, буквально с неба, свисают изумительные конструкции неясного предназначения. Изысканная азиатка в мудрёном кокошнике от дизайнера Кирилла Минцева, театрально прекрасна и столь же утончённо целится в голову противнику. Зубастые кибер-матрёшки — машины-убийцы, взяты, судя по всему, с плаката пражского музея коммунизма. Постмодернистское остроумие на грани фола.

Но! Все предъявленные миры — максимально неестественны. Как дорогостоящая компьютерная игра, наподобие Syberia. Больше того, закрадывается чувство, что это намеренно — равно как и "стирание" человека из его изначальной "бытности". Это — матрица-лабиринт, роскошный симулякр. Многие критики и зрители отметили странное несоответствие мира-курорта (по тексту, Заповедника) каким бы то ни было реалиям. Ибо там ничего и никого нет, кроме буйной пальмовой растительности и — неизменного Кремля. Кому? Как? Почему? Вопросы повисают в воздухе, если не принять за аксиому, что всего этого просто нет. Виртуальная иллюзия, которая имеет право быть любой. Как-то по-новому уже воспринимается тема "поводка": функционал не может отходить от места дислокации на значительное (а иногда — на короткое) расстояние. Вспомнилась фраза из советской фантастической дилогии "Москва — Кассиопея": "Не уходи далеко, а то упрёшься в небо". Там у подростков тоже была интереснейшая возможность — они могли смоделировать на корабле фрагмент практически любого земного пространства: свою квартиру, море, поляну и т.д. В "Черновике" — ровно такая же ситуация. Сверхчеловек-функционал обладает мегасилой в пределах обозначенной для него территории. Далее — смерть. Далее — нежить. Пустота. Супермен из "бродилки-стрелялки" шарит по экрану и не смеет выпрыгнуть в нашу реальность. Эти нюансы достраивают смысловые конструкции. Точнее — выстраивают новые. "Черновик" — это фильм-квест, а не фильм-повествование.

Оценивать уровень лицедейства — сложно. Две генеральные линии: Кирилл и Аня — означены как-то пунктирно. Симпатичные актёры Никита Волков и Ольга Боровская двигаются неуверенными рывками, будто не желая мешать "настоящей" игре своих старших коллег. Фабула главгероев похожа на сказочный топор про кашу из него же. Но, как все помнят, именно топор и не особливо нужен. Совсем не нужен и — малоинформативен. Внимание притягивает великолепная Юлия Пересильд (Белая Роза). Или нордическая богиня — Северия Янушаускайте (Рената). Великолепен Андрей Мерзликин, блеснувший в одном из эпизодов (Феликс). Как обычно хороша Елена Яковлева — её тоже немного, зато она, по факту, "держит" волнующую сцену встречи Кирилла с родителями. Деталь-изюминка — Ирина Хакамада в образе … самой себя, женщины-политика. Сам Лукьяненко промелькнул в эпизодической роли, тем самым подчёркивая, что фантасту не противно соприкасаться с данным киноизделием.

На мой взгляд, категорически не подходящий саундтрек: песни Леонида Агутина как-то хило монтируются с целями и задачами фантастической саги.

Каково же резюме? Несмотря на упрощение, "трёхрублёвый план" и нарочитую политизацию, фильм сохраняет самое главное — атмосферу первоисточника. Чаще мы наблюдаем обратное: при формальном соблюдении "буквы", начисто улетучивается "дух". У Сергея Лукьяненко есть продолжение — собственно, "Чистовик", что позволяет надеяться на вторую серию действа. Уже без пародий на "корявый совок", если можно.

Галина ИВАНКИНА

ПОБУДКИ ОТ МИХАИЛА ТАРКОВСКОГО

В России писатель ещё и охотник

МИХАИЛА ТАРКОВСКОГО только ленивый сегодня не называет лучшим современным писателем. Русским писателем. Хотя, конечно, называют многих. Чаще всего — русскоязычных. Иным даже премии дают. Нобелевские. Ну и не совсем нобелевские. Но дают.

Не сказать, чтоб это было очень важно для писателя. Но приятно. Опять-таки — на пару дней социальный статус властителя дум поднимается выше будничного. И, главное, есть возможность сказать что-то довольно громко. Вроде бы не хоккеист, не биржевой маклер, не депутат Госдумы — а к тебе с телекамерами, вопросы всякие про жизнь, про творчество… Даже как жить дальше иногда спрашивают… Для проформы, конечно. Потому что все знают — как. Брать взятки, давить ближних, ставить свой "крузак" посреди двора, выгуливать собачек на детской площадке. Вроде всё ясно, умные люди давно смекнули, а всё же интересно: может, писатель что новое скажет?

Но это только если премию получил. И здесь зависит от суммы. Потому что бывают так-сяк себе премии, одно название, а бывают и ого-го.

Собственно, о премиях я вот почему: есть в бесконечной череде их, скажем так, особенные по своему статусу. Именно внутри писательского цеха. Как там говорится, что-то про петуха гамбургского, что ли? По какому-то там счёту. По большому счёту, в общем. По крупному.

И здесь за последние годы набрала совершенно очевидно вес и стала весьма заметной Патриаршая премия по литературе. Потому что даже попадание в список номинантов говорит о чём-то. О том, что здесь не будет площадной лексики, грязи про русский народ (и другие народы), мордобоя, блуда и педофилии. В общем, всего того, чем славится современный литературный мейнстрим.

А это, в общем-то, не так уж и плохо. Читать литературу без всего этого. Узнавать о её существовании. И сами имена лауреатов Патриаршей тоже о чём-то говорят: Владимир Крупин, Виктор Николаев, Ярослав Шипов, Владимир Костров…

В этом году в список лауреатов добавился и Михаил Тарковский. Что и для премии, и для него — очевидный знак качества.

Михаил Тарковский начинал как поэт, пробовал себя как режиссёр, но… среди Тарковских уже были и поэт, и режиссёр. Поэтому поговорим о Тарковском-прозаике.

Самым удивительным в прозе Тарковского мне кажется то, что он по-прежнему будит человека. То есть вроде бежим куда-то, несёмся, вертимся, и, хуже даже, — крутимся и выкручиваемся, листаем фейсбук, "пичкаем" фотки в инстаграм, короче, живём насыщенной и бестолковой жизнью, но — краем глаза зацепишь прозу Тарковского, и вдруг комок в горле, в глазах что-то наворачивается. И вспомнишь про мать или про любимую, или про одноклассника, который спился. Вроде никто по голове не стукал, а человек в тебе проснулся. Не то что бы воскрес (этого литература не может), но проснулся, зашевелился: мол, есть я ещё, живой, хотя и плох…

Такие вот "побудки" от Михаила Тарковского, будит нас… Нет особого смысла говорить о языке и стиле писателя, сегодня так почти никто не пишет. Как сказал сценарист Юрий Арабов: читаешь современную прозу и ощущение, что читаешь сценарий. То есть он пошёл, она посмотрела, он достал сигарету, она сняла юбку и так далее. Тарковский русским языком живёт, он вместе с ним движется и нас тоже куда-то движет.

И это было с самых первых книг. Но что ещё важнее — это то, что его проза и жизнь не рассыпаются на частные междусобойчики, там что-то неуклонно растёт, вызревает. Так, допустим, в ранней его книге "Замороженное время" уже есть мысли о собачьей жизни (в смысле — о жизни охотничьих собак), которые выпестуются в недавнюю повесть "Что скажет Солнышко"; всё, круг закончен — начинается динамика. Или невыношенная до конца нежность "Тойоты-Кресты" разрешается в чуде взаимопрощения в рождественской повести "Фарт".

Это самые недавние вещи писателя, об одной из них можно и поподробнее. Последняя по времени — повесть "Что скажет Солнышко?".

ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА в этом году. Третья по счёту за год. Несомненно — это цикл. Так задумывался, так и писался. Но об этом позже. Потому что начать хотелось бы с конца повествования. С финальной точки. Точнее — картины.

…Охотничья избушка, костёр, на нём варится похлёбка для собак. Усталый одинокий вечный человек не торопясь помешивает варево, у его ног лежат три пса, падает снег, родина…

Ничего не напоминает? Другую картинку, где вечный одинокий человек, рядом собака. Падает снег… Родина…

Лично мне не просто напомнило — резануло где-то там внутри, где слёзы и живое, непогребённое и "неоскорбляемое" (по Пришвину). А именно — концовку "Ностальгии" Андрея Тарковского!

Вот оно, всплыло родовое, аукнулось. Слава Богу, прошли те времена, когда молодой и горячий Михаил Тарковский тускнел при упоминании великих сродников и бормотал, мол, "я сам с усам" и "вааще"!

"Гордиться славою своих предков не только нужно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие". Внутренний пушкинский возраст писателя готов к пониманию этого.

Тем более, что речь идёт даже не о славе, а о какой-то дивной родовой химии души; сколько от неё не бегай, но взвар этот не тобой замешан, не тебе его и менять. Главное — не расплескать:

Оплакав молодые годы,
Молочный брат листвы и трав,
Глядишься в зеркало природы,
В её лице своё узнав…

Это уже Арсений Тарковский. Зато как нельзя точно о новой повести Михаила. Потому что именно здесь он решил глядеться в самое близкое охотнику в тайге "зеркало природы", чтобы узнать в "её лице", а точнее "морде" — себя. Ведь повествование ведётся от имени собаки по имени Серый. Правда, всё настолько очеловечено, что и морду свою собака частенько называет "лицом", да и её саму пару раз называют Серёжей. Пойди разберись кто что и от чьего лица или морды тут пишет.

Но главное понятно. И это главное проходит через всю прозу и жизнь Михаила Тарковского. Это — русское, в своей крайней степени доходящее до сектантского, старообрядческого. Что очень точно выразил мятежный протопоп Аввакум: "Держу до смерти, якоже приях". В этом "держу так же, как принял" — наше всё! Держу землю, полученную от предков; веру, завещанную ими же; честно́е имя своих отцов и дедов (откуда и столь неприкрытая у русских нелюбовь к "псевдонеймам"). Ну, а в целом — держу "картину мира", которую только я, русский, исповедую и храню. И эту "картину мира" не могут нарушить ни кафтаны и бритьё бород, ни маузеры и бронштейны, ни чубайсы и айфоны. Исказить на время — да, разрушить — нет!

Именно это враги наши (внешние и исподние) и называют "инертностью", "косностью" русского народа. Слава Богу за это! Иначе давно бы и сам дух русский выветрился — в угоду очередным экспериментаторам или откровенным уловителям и растлителям наших душ.

Дом художника слова

Вот как выглядит эта слитная и неделимая "картина мира" глазами собаки:

"Я понял, что мы — очень важное звено, связывающее Старшого (человека. — **А.Ш.**) и его семью с окружающей нас огромной тайгой. Что вместе мы представляем необъятный организм, многократно превышающий в размерах Старшого, и состоящий со Старшим в странных и старинных отношениях. Будто шевельнулись какие-то ваги, жердины мощнейшие между глухарём и камешком, Старшим и мной, мной и глухарём. Когда я думаю об этих вагах, сизых гудящих сушинах, меня аж мутить начинает, и что-то во мне защитно сбивается, ограждая от лишнего знания, от которого я замру, окаменею, иль вовсе на куски разлетится моя бедная собачья голова.

О существовании этих длинных и гулких сил, простирающихся во все стороны тайги, реки и неба, говорил особенный, подправляющий и одобряющий вид Старшого".

И оно-то, это необходимое звено промысловой таёжной жизни, собаки, сегодня близко к выпадению. Заменят наших восточносибирских модными заокеанскими хасками (для туристов), а так-то что — многими охотниками собачки уже начинают восприниматься как обуза. Корми их, возись, поджидай на снегоходе. Лучше десяток капканов лишних поставить.

А выпадет это звено — и всё, многовековая "картина мира" рухнет, рассыплется на одиночек с ружьями и капканами, следящими по WI-FI за ценами на лондонском меховом аукционе. Старшой удерживает эту "картину мира", скрепляет собой. Но, увы — и в конце повести в своём законченном виде эта картина оказывается уже по ту сторону вечности: с костром, избушкой, снегом, тремя собаками, из которых ни одна ещё не погибла, да и хозяин ещё жив и здоров, не покалечен дурной лесиной. Наверное, это и есть ностальгия…

Помимо неё в повести есть много чего: собачьего юмора, даже собачьих стишков, также как и собачьей чуткости и такта, не говоря уже о собачьей преданности и упоённости.

Но закончу тем, с чего начал. Про отличительное для повести "Что скажет Солнышко?". Это — родовое, то, что, пожалуй, впервые так отчётливо сказалось у Михаила Тарковского. В каком-то смысле даже языческое.

Этим отличается Серый Тарковского от верного Руслана Владимова — тот, умирая, большими скачками бежит к Хозяину, и Хозяин этот Огромен и Един.

Серый же за помощью бежит сначала к Бурундуку, затем к брату Глухарю, к Анисею-Батюшке, к Солнышку — наконец. Это не холодный и возвышенный мир гулаговского страстотерпчества Георгия Владимова, это живой, отогретый русским народом мир природы, тайги, реки, неба, солнышка.

— Есть в этом что-то языческое? И что, у нас и христианство запашистое и особое — не сродни ледяным сквознякам готических соборов с их педофилией и неизбежным фашизмом на горизонте. Нет, у нас христианство со стаканчиком, прикрытым хлебом в подножие креста на могилке, с вечным плачем-вопрошанием Ярославны ли, Елисея ли к Ветру и Солнышку — о судьбе любимых. С доверием к Божьему миру как к открытой Библии:

Людская плоть в родстве с листвой,
И мы чем выше, тем упорней:
Древесные и наши корни
Живут порукой круговой…

Так приняли. Так и будем держать!

В СВОЁМ НЕДАВНЕМ ИНТЕРВЬЮ Тарковский сказал так:

"Национальная идея нашего народа… В ней главное не пересобачиться за её видение! Если бы я прорабатывал идеологию, я бы сформулировал её как "Служение Отечеству". Всё. А философски-религиозно если: "Мир в когтях и мы ему помеха". Запад тащит планету к гибели. Всегда поражает несправедливость: почему какой-то озабоченный технической стороной народец, ввергает всех остальных в эту борьбу за "плоскость экранов"? Что за шило-то в заднице? Да. Это они совершили преступление — они убыстрили время, они отменили традиционные ценности, они придумали порнографию, они развели педерастию и интернет, где глупость человечья, о которой век бы не знать, вылезла на свет Божий… Они, не дав привыкнуть к технике, уже её отменяют и изобретают новую. Мозговые эти усилия — нет бы направить на совершенствование жизни на планете! "Леший с имя́". Речь шла о России. Мы можем противостоять всему этому. Это и есть роль России. Помнишь Николая Рачкова:

А Россия сама спасётся
И плечо подставит врагу.

Две строчки трактат заменяют.

Да. Принципы семейственности, братства, здравомысленного баланса между амбициями личности и общественным интересами. Приоритет духовных, созидательных (а не паразитических), общественных ценностей над индивидуалистическими и коммерческими. Традиционные ценности Русского мира. Приятие его во всей непостижимой сложности. Не отречение ни от одного из исторических этапов России. Кстати, о социалистическом этапе. Сегодня вышел на угор и вдруг подумал о том, что именно при советской власти русская литература дала столько положительных героев, именно при советской власти литература показала себя как мощнейший идеологический ресурс и вывела в новую совершенно фазу: стало ясно насколько важно формирование русского человеческого идеала.

А о типе общественного устройства и идеале как раз: в идеале я видел бы некую православную социализм-монархию, но это на сегодня только разговоры и утопия.

А о вере. Принудительное и грубое привлечение населения к православию даст только негативный результат. Рыночная экономика, примеры глобального стяжательства спровоцировали образ церкви, вызывающий вопросы у одурманенного телевизором и либеральной пропагандой населения. И этот уязвимый образ церкви далеко не каждый русский воспринимает, как искушение, как испытание твёрдости в вере".

По-моему, исчерпывающе. Жаль только — по телевизору это не покажут. Если уж только жареный петух их не клюнет. Тот самый — гамбургский. По самому большому счёту.

Алексей ШОРОХОВ

ДОМ ПАЛИБИНА

Открытое обращение к министру культуры Российской Федерации В.Р. МЕДИНСКОМУ

Уважаемый Владимир Ростиславович!

С глубокой тревогой и обеспокоенностью мы узнали о намерении осуществить — без обсуждения с экспертным сообществом, научной и художественной общественностью — смену пользователя объекта культурного наследия федерального значения "Дом начала XIX века" (известного москвичам как Дом Палибина — Москва, ул. Бурденко, 23). Приказом Минкультуры России № 743 от 17 мая 2018 года за подписью заместителя министра С.Г. Обрывалина согласована передача здания в безвозмездное пользование сроком на 25 лет "Фонду по содействию в создании, развитии и поддержки художественных промыслов религиозного назначения во имя Святого Архангела Михаила".

Сам факт передачи знаменитого московского дома, памятника архитектуры, причём даже без проведения конкурса либо аукциона, на целую четверть века — организации, не известной какими-либо заслугами и опытом в деле сохранения культурного наследия России, вызывает вопросы. Мы видим в этом угрозу не только сохранности памятника архитектуры, но и существованию значимого учреждения науки и культуры.

На протяжении 35 лет Дом Палибина арендует Государственный научно-исследовательский институт реставрации (ГОСНИИР). В соответствии с Уставом он использует здание для проведения выставок, пропагандирующих достижения российской реставрации, международных конференций, семинаров, круглых столов, мастер-классов, в том числе для студентов в рамках ежегодного государственного задания, утверждаемого Минкультуры России. В Доме Палибина производится реставрация картин, икон, предметов декоративно-прикладного искусства.

Дом является уникальным памятником деревянного зодчества "послепожарной" Москвы, сохранившим не только внешний облик, но и убранство интерьеров с росписями, аутентичными обоями и пр. Памятник нуждается в ежедневном контроле со стороны профессиональных реставраторов, каковыми являются сотрудники ГОСНИИР.

Дом Палибина является и мемориальным памятником. В нём долгие годы работал выдающийся деятель российской культуры, защитник и популяризатор отечественного культурного наследия Савва Васильевич Ямщиков. Сотрудники ГОСНИИР сохранили в неприкосновенности его мемориальный кабинет. Осенью 2018 года ГОСНИИР и Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) планируют провести совместную выставку, посвящённую 200-летию Дома Палибина и 80-летнему юбилею С.В. Ямщикова, с открытием посвящённой ему мемориальной доски. Прекращение деятельности выставочного зала, созданного С.В. Ямщиковым, ликвидация его мемориального кабинета, как и сам факт выселения реставраторов из Дома Палибина, — выглядят как действия, напрямую противоречащие государственной политике в области сохранения культурного наследия.

Дом Палибина — один из основных объектов волонтёрского движения ВООПИК. На 2018 год по соглашению с французской ассоциацией REMPART намечен приезд волонтёров из Франции, помогающих реставрировать фасады дома. Работа российско-французского волонтёрского кампуса по сохранению Дома Палибина в 2017 году получила широкое позитивное освещение в российских и зарубежных СМИ. Прекращение деятельности волонтёров в Доме Палибина — после заявлений Президента Российской Федерации В.В. Путина о государственной поддержке и развитии добровольческого движения в России и объявления 2018 года Годом добровольца (волонтёра) в России — неизбежно вызовет негативный общественный, в том числе международный, резонанс.

Уважаемый Владимир Ростиславович, ранее Минкультуры России неоднократно подтверждало намерения использовать Дом Палибина исключительно для целей уставной деятельности ГОСНИИР. Просим Вас лично разобраться в сложившейся ситуации и пересмотреть решение о передаче здания. Реставраторов нельзя выселить из дома, о котором они заботились на протяжении 35 лет.

Н.В. ЗАЙЦЕВА,
заслуженный работник культуры РФ
В.В. КУЗЮБЕРДИН,
реставратор высшей категории
М.С. ЯМЩИКОВА,
хранитель мемориального кабинета С.В. Ямщикова
А.Г. ДЕМИДОВ,
председатель Центрального совета ВООПИК, член Общественного совета при Министерстве культуры РФ
Г.И. МАЛАНИЧЕВА,
почетный председатель ВООПИК, член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству
К.П. МИХАЙЛОВ,
главный редактор сайта "Хранители Наследия", член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству

Если вам не безразлична судьба "Дома Палибина", присоединяйтесь к открытому обращению!

Для этого достаточно написать на электронную почту dompalibina@yandex.ru. Укажите Ваше ФИО. Вы также можете указать род занятий, место работы, должность, иную информацию, которую Вы считаете нужным сообщить о себе.

Важен голос каждого!